

DOI 10.25991/VRHGA.2021.22.3.006

УДК 130.2

С. М. Капилупи*

СОЛОВЬЁВ И ДОСТОЕВСКИЙ

В. С. Соловьёв и Ф. М. Достоевский оба внесли важнейший вклад в поворот религиозно-философской мысли к культуре и в обоснование философии культуры на основе христианской доктрины. Блистательно начатое обоими осмысление религиозно-философского подхода к культурному процессу еще далеко не завершено, если не сказать находится на начальном этапе. Его наследие, относящееся к концептуализации философии культуры, становится еще более актуальным в условиях того духовно-нравственного кризиса, который переживает современное человечество и который провидели эти выдающиеся русские мыслители.

Ключевые слова: Культура, Христианство, доктрина, единство, кризис, история, философия, Соловьёв, Достоевский.

S. M. Capilupi

SOLOV'YOV AND DOSTOEVSKY

V. S. Solov'yov and F. M. Dostoevsky made a great contribution to the turn of religious and philosophical thought towards culture, and to the creation of a philosophy of culture based on Christian doctrine. Comprehension of the religious-philosophical approach to the cultural process, brilliantly begun by both of them, is far from complete, if not at the initial stage. His legacy, associated with the conceptualization of the philosophy of culture, becomes even more relevant in the context of the spiritual and moral crisis that the modern mankind has been experiencing and which these outstanding Russian thinkers foresaw.

Keywords: Culture, Christianity, doctrine, unity, crisis, history, philosophy, Solov'yov, Dostevsky.

Работы В. С. Соловьёва об искусстве («Красота в природе», 1889 г. и «Общий смысл искусства», 1890 г.) выходят за рамки эстетики и в полной мере относятся к его религиозно-философской концепции культуры. Показательно в этом плане уже то, что эпиграфом к работе «Красота в природе» являются многочисленные слова князя Мышкина из романа Ф. М. Досто-

---

* Капилупи Стефано Мария, кандидат философских наук, директор Института ита-
льянской культуры Русской христианской гуманитарной академии; s_capilupi@yahoo.it

евского «Идиот»: «Красота спасет мир» В статье «Общий смысл искусства» Соловьёв пишет, что искусство назидательно — притом далеко не в смысле «дидактической проповеди», а в смысле «вдохновенного пророчества», т. е. веровательно, а еще — как «ощутительное изображение» предметного в свете идеального, как он выражается, «окончательного состояния», «будущего мира». В первобытной культуре религия и искусство существовали в неразрывной связи, «слитно». Усложнение социальной жизни обусловило их отчуждение друг от друга. Но в будущем возможен их свободный синтез. Такой синтез, который не будет основан на «поглощении человеческого божественным, но на их свободном взаимодействии», другими словами, на творческой, преобразовательной активности человека в согласии с божественным целеполаганием [3, с. 399].

Синтез занимает в философии культуры В. С. Соловьёва большое, если не сказать центральное место. Христиански ориентированный синтез жизни и культуры строится у него на основе всех без исключения социокультурных сфер, предполагает их свободную взаимоположенность и возможен к тому же только на основе духовно-ценностного иерархизма, предполагающего примат высших религиозно-философских масштабов. Существенно важно подчеркнуть здесь следующее. Когда этот мыслитель развивает тему синтеза сфер культуры, он особо подчеркивает деятельностное, преобразующее предназначение синтезирования как процесса гармонизирующего и упорядочивающего историческое бытие. Искусство, как и любая другая сфера культуры, не существует в себе и для себя, как «искусство для искусства». Настоящее искусство, подчеркивает философ, призвано «глубоко и сильно воздействовать на реальный мир». И добавляет: «...эстетически прекрасное должно вести к реальному улучшению действительности» [2, с. 351]. Эту же мысль, важную как для художественной культуры, так и для культуры в целом (в смысле жизнетворческого, преобразовательного предназначения культуры), он проводит и в статье «Общий смысл искусства»: «Совершенное искусство в своей окончательной задаче должно воплотить абсолютный идеал не в одном воображении, а и в самом деле, — должно одухотворить, пресуществить нашу действительную жизнь» [3, с. 404].

В культурно-историческом процессе как процессе воплощения идеального наблюдается системная взаимосвязь, взаимоположенность и взаимодополнительность разных сфер жизненного процесса и культуры, особенно тех из них, которые составляют мировоззренческое ядро христианства (религиозно-философская мысль, нравственность и искусство). Сама постановка этой проблемы явилась существенным завоеванием религиозно-философского подхода к культурному процессу. Отметим в связи с этим, что еще и сегодня проблема взаимосвязи и взаимообусловленности религиозно-философской мысли, искусства, а также политической идеологии и экономической жизни остается скорее предметом дискуссий по отдельным вопросам, чем системных исследований. Религиозно-идеалистический подход к пониманию общества в его системных взаимосвязях, противоположный материализму марксистов, уже хорошо известному в России, но недостаточно отрефлексируемый, а зачастую и отвергаемый в консервативной религиозной среде — именно подход

В. С. Соловьёва стал важным стимулирующим фактором обращения мыслителей серебряного века (А. Белого и других русских символистов, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова, Г. П. Федотова и др.) к тематике системного синтеза.

Приведем в связи с этим еще одно суждение В. С. Соловьёва. Материальная основа, вещественное поле природы, пишет он, нуждается для своей полноты и совершенства в «этическом действии», которое и обеспечивает «идеальный строй нашей жизни». Но и сам нравственный порядок не существует вне и помимо «достойного» и «должного», в т. ч. и помимо «просветления» и «одоухотворения» вещественного бытия» в форме красоты в ее свободном взаимодействии с «абсолютным началом», «элементом божественным» [3, с. 392–394].

Искусство, таким образом, является важнейшим составным элементом идеального строя жизни. А идеальное в искусстве, как и во всей культуросозидающей деятельности, не существует вне материального, воплощенного. Реальное бытие есть богочеловеческий процесс, вечное в нем существует в историческом времени, безусловное — в обусловленном, а абсолютное — в относительности реальных объектов. Есть, поясняет философ, «всесовершенное или абсолютное существо, вполне свободное от всяких ограничений и недостатков», и только оно «достойно бытия» духовного, нематериального, божественного. Искусство же знает только воплощенную идею как «лучшую половину» реального, существующего мира и только эта половина «заслуживает существования». Тут человечество имеет дело с «частными или ограниченными существованиями», которые становятся только «причастными» к идеальному и достойному бытию в силу своего отношения к абсолютному, каким оно являет себя во всемирном процессе, т. е. в «процессе воплощения» идеи этого достойного и идеального бытия [2, с. 361].

Религиозно-философский подход к феномену культуры обстоятельно развивается и на литературно-художественном материале, в особенности в связи с анализом мировоззрения Ф. М. Достоевского. Здесь выделяется работа В. С. Соловьёва «Три речи в память Достоевского» (1881–1883). В Предисловии к ней он подчеркивает, что в душе человека есть божественная сила, сила любви, которая способна противостоять и «внутреннему падению», и «внешнему насилию», а главное, что здесь существенно, — сила эта необходима для «внешнего осуществления на земле царства правды» [4, с. 290–291]. Уже здесь, в самом начале своих «Речей» он выходит на проблему «внешнего осуществления» на земле, переполненной «жизненной злобой», «тяготой и чернотой жизни», путями веры в действительность Бога и Христа, в победительную силу любви и всепрощения. Тем самым он очевидным образом выходит и на проблематику философии культуры, т. е. на легитимацию культуросозидающей, преобразовательной активности человека в мире. Уже здесь, в имплицитном, но вполне определенном, явном виде намечены основополагающие ценностно-познавательные установки религиозно-философского подхода к культуре: признание самоценности относительного мира исторической жизни, который открыт идеальному миру божественного Абсолюта, воплощается в этой жизни экзистенциально, как формирующая сила, примат «внутреннего», веровательного и безусловного, над «внешним», обусловленным обстоятельствами конкретно-исторической «среды», возможность и действительность духовного

динамизма в человеческом мире, духовно-нравственного совершенствования как божественного дара свободы и высшей правды.

Искусство, как и другие «человеческие дела», пишет он в «Первой речи», не может быть сведено ни к «внешней поучительности», ни к «полезности», ни к развлечению, ни, наконец, к отвлечению от жизни. Предназначение культуры не достигается «простым воспроизведением действительности». Есть идеальная сторона литературы, искусства и культуры в целом, и она не в том, чтобы уводить человека от жизни на «олимпийские высоты», и не в том, чтобы погрузиться в «тьму и злобу земной жизни», а в том, чтобы воздействовать на «землю», чтобы «повернуть и пересоздать» ее, привлекая и прикладывая к земле «неземные силы», религиозную идею [4, с. 294].

Духовно-нравственное пересоздание земного мира не может быть насильственным, внешне принудительным. Религиозное мирозерцание не может быть навязано силой. Оно являет себя как некая внутренняя потребность личности в обнаружении идеальной, безотносительной, ничем не обусловленной стороны бытия, а равно и способность воспринимать эту идеальную сторону, Бога для верующего, как высшую реальность, как одухотворяющий эту жизнь идеал. В среде культурных деятелей, даже тех из них, которые не исповедуют религиозных воззрений, В. С. Соловьёв обнаруживает то, что можно определить как преобразовательные стремления, сообразующиеся с принятыми личностью идеалами. Философ высказывает тут принципиально важную для философии культуры мысль: культуролог, а равно и историк культуры не имеет права замыкаться в пределах собственных строго определенных мировоззренческих позиций. Его первейшая задача — искать точки соприкосновения между духовными силами Добра, к какой бы религиозной традиции или даже внерелигиозной идейной позиции они не относились. Стоит привести слова самого В. С. Соловьёва:

Несмотря на антирелигиозный (по-видимому) характер современного искусства, пронизательный взгляд сумеет отличить в нем неясные черты будущего религиозного искусства, именно в двойном стремлении — к полному воплощению идеи в мельчайших материальных подробностях до совершенного почти слияния с текущей действительностью и вместе с тем в стремлении воздействовать на реальную жизнь, исправляя и улучшая ее, согласно известным идеальным требованиям [4, с. 294].

Уместно подчеркнуть, что на протяжении XX столетия представители русской религиозной философии культуры, работавшие за рубежом (Е. В. Трубецкой, Е. В. Спекторский, И. А. Ильин и др.), решительно продвигали мысль о необходимости поиска духовных взаимосвязей между религиозной и светской культурами и при этом настаивали, во-первых, на том, что светская культура несет в своем содержании духовные интенции близкие христианству, а во-вторых, на том, что хотя секулярные тенденции в современной культуре господствуют, не ослабевают, а порой и усиливаются религиозные мотивы в самых разных подсистемах культуры [5, с. 17–18, 58–59, 108, 158].

В упомянутых выше «Речах» В. С. Соловьёв снова возвращается к дорогой ему мысли о том, что христианство призвано одухотворять культуросозидаю-

щую активность личности. Именно поэтому христианская вера не может быть редуцирована ни к молитвенному служению, ни к спасению души отдельной личности. Эта вера — от Христа, Спасителя мира, а потому она деятельна, преобразовательна; она — в созидательной деятельности, духовный нерв которой Христос как «воплощение истины». В этом смысле христианство — религия миропрятия, религия богочеловеческая, которая отвергает не мир, не «землю», но зло в мире, Антихриста. Последний не уходит добровольно, но нуждается в активном подвиге христиан.

Искусство, как и культура во всех ее многообразных формах, не есть только отражение реального в идеальном, а еще и преобразование реального с помощью этого идеального, как бы просветление реального. На эту сторону эстетической концепции В. С. Соловьёва обратил внимание известный русский философ А. Ф. Лосев. Учение В. С. Соловьёва характеризуется «пониманием идеального как движущей материальной силы и материального как преобразенно слитого с идеальным». В этом смысле искусство для последнего есть «свободная теургия» и не является ни простым «отражением действительности», ни «отражением идеала», но «преображением» [1, с. 20–21].

Возвращаясь снова и снова к близкой ему мысли о роли христианства в общественной жизнедеятельности, В. С. Соловьёв придерживается едва ли не реформаторских позиций. Так, во второй «Речи» он опять подчеркивает, что христианин не может замыкаться в стенах храма, не может ограничиваться ни обрядом, ни «молитвословием», если при этом деятельная сторона жизни остается «нехристианской». Такое христианство он называет «храмовым». Но и другой вид (или, как он формулирует, «степень») христианской веры, тот который замкнут исключительно на внутреннюю «индивидуальную» жизнь, тоже недостаточен для веры, т. к. религиозная вера нацелена здесь только на частные дела человека, на личную нравственность, на спасение отдельной души человеческой. Личность обращается в этом случае к Христу как к высшему нравственному идеалу. Это, по его выражению, «домашнее» христианство. Такое исповедание веры тоже неполно и недостаточно. Христианская вера становится истинной и полной тогда только, когда она одухотворяет весь окружающий человека мир, все его дела — политику, науку, хозяйство и, конечно, такое фундаментальное проявление культуры, как искусство. Этот подход явился самым настоящим прорывом для православия на исходе XIX в. и сразу же был подхвачен и деятелями культуры, и частью священнослужителей.

В. С. Соловьёв исходит из того, что мирская жизнь является христианской в той мере и тогда, когда она опирается на «высшие» и «безусловные» начала, а именно начала «любви, свободного согласия и братского единения», на духовно-нравственные начала людей, исповедующих веру в реальность идеального. Здесь, собственно, и начинается культурно-историческое творчество как «всемирное общее дело». Не будет преувеличением утверждать, что таким объединяющим и примиряющим началом является взятая в широком смысле слова не требующая доказательств вера в реальность бытия абсолютных, безусловных, долженствующих быть начал, которые поддерживают не только религиозные верования, но и любое культурное дело, даже если в своем явном виде оно не опирается на религиозную веру. Именно поэтому важнейшей миро-

вой задачей он считает необходимость продвижения человечества к «цельной синтетической жизни» на основе сопряжения жизнетворческой преобразующей мир деятельности, с одной стороны, и веры, мысли и культуры — с другой. Именно поэтому он особо выделяет нацеленность Ф. М. Достоевского на воссоединение в религиозной идее самых разных форм деятельности, в т. ч. мыслительной (истина) и художественной (красота) [4, с. 302–305].

Если внимательно посмотреть, то именно культура является тем звеном, который связует веру и преобразующую мир деятельность человека. Вера, как и гуманизм, не может быть отвлеченной; она действительна только тогда, когда воплощается в конкретные дела, в конкретно-исторической среде. Вера без дел мертва, но и дела без веры обесмысливаются, оказываются под управлением «эгоизма» и «частной выгоды». Вот почему В. С. Соловьёв резко выступал против тех, кто выводил религиозную веру за рамки реальной исторической практики и культуры с ее тяготением к вечному, идеальному и безусловному и одновременно с ее укорененностью в сложнейших сетях конкретно существующих ценностных иерархий, столкновений и противоречий.

В Приложении к «Трем речам в память Достоевского», озаглавленном «Заметка в защиту Достоевского от обвинения в «новом» христианстве» («Наши новые христиане» и т. д. К. Леонтьева, Москва. 1882 г.) В. С. Соловьёв выражает свое несогласие с нападками К. Н. Леонтьева на Ф. М. Достоевского и солидаризуется со взглядами последнего на культуру. Писатель, заявляет философ, не был ни отвлеченным гуманистом, ни отвлеченным моралистом. Ф. М. Достоевский верил в Христа как «Богочеловека», стоящего выше человека, и не верил «в отвлеченный разум или в то безбожное и бесноватое человечество, которое в романах самого Достоевского яснее, чем где-либо, отражается во всей своей мерзости». «Идеал истинной культуры», продолжает В. С. Соловьёв, — не человеческий только, не рассудочно гуманистический, но «сверхчеловеческий», выстроенный на мистических основаниях веры. Поэтому «идеал истинной культуры» выстраивается не на абстрактно взятом человеколюбии, а на том, что выше человека, что создается на основе религиозно осмысленной деятельности [4, с. 320–321].

В. С. Соловьёв остро чувствует историоцентризм христианства, а равно и культуры. Он не приемлет антихристианского противопоставления «этого» и «того» света. Нет «безусловной границы» между «здесь» и «там». Одно дело — «земля» в начале Книги Бытия и совсем другое — «новая земля» Божоявления. Культура как дело историческое не противоречит христианскому вероучению; культура не есть некая временная бессмыслица, в ней — одухотворение земного. И далее В. С. Соловьёв делает многозначительное пояснение относительно суждения Ф. М. Достоевского о возможности «всемирной гармонии» на этом свете. Когда писатель говорил о «всемирной гармонии», то он имел в виду не «утилитарное благоденствие на теперешней земле», а «начало той новой земли, в которой правда живет». Не мирным прогрессом достигается эта гармония, но в муках и болезнях апокалиптического разлома. Не случайно, добавляет В. С. Соловьёв, в последние годы своей жизни Ф. М. Достоевский снова и снова обращался к этой последней книге Нового Завета [4, с. 322].

В. С. Соловьёв и Ф. М. Достоевский внесли важнейший вклад в поворот религиозно-философской мысли к культуре и в обоснование философии культуры на основе христианской доктрины. Блистательно начатое обоими осмысление религиозно-философского подхода к культурному процессу еще далеко не завершено, если не сказать находится на начальном этапе. Его наследие, относящееся к концептуализации философии культуры, становится еще более актуальным в условиях того духовно-нравственного кризиса, который переживает современное человечество и который провидели эти выдающиеся русские мыслители.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев А. Ф. Творческий путь Владимира Соловьёва // Соловьёв В. С. Соч.: в 2 т. — М.: Мысль, 1988.
2. Соловьёв В. С. Красота в природе // Соловьёв В. С. Соч.: в 2 т. — М.: Мысль, 1988.
3. Соловьёв В. С. Общий смысл искусства // Соловьёв В. С. Соч.: в 2 т. — М.: Мысль, 1988.
4. Соловьёв В. С. Три речи в память Достоевского // Соловьёв В. С. Соч.: в 2 т. — М.: Мысль, 1988.
5. Щученко В. А. Философия культуры в свете христианского Логоса. Русские христианские мыслители о культуре (вторая половина XIX — первая половина XX веков). — СПб.: Изд-во РХГА, 2017.